

Глава IV Тунеядец

Annus mirabilis, 1964–1965: идеология

Поздняя осень 1963-го и первые полтора месяца 1964 года были крайне тяжелым периодом в жизни Бродского, но не из-за политических преследований, как иногда, задним числом, кажется пишущим о нем. В отношениях с Басмановой происходила перманентная катастрофа, и только этим несчастьем был он одержим. Случилось, однако, так, что именно в этот момент наибольшей душевной уязвимости стечение обстоятельств сделало Бродского объектом полицейской травли. Можно сказать, что он оказался в точке скрещения трех враждебных сил, только одна из которых была нацелена именно на него изначально. Он стал жертвой идеологической политики Н. С. Хрущева, полицейского рвения ленинградских властей и реакционеров из ленинградского отделения Союза писателей, а также махинаций мелкого мошенника Якова Лернера.

За год до разразившейся над Бродским грозы либеральный, «оттепельный» период правления Хрущева достиг своего пика, когда в ноябрьском номере «Нового мира» за 1962 год была напечатана повесть А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Это было не произведение с критикой «отдельных недостатков», а колоссальной взрывной силы притча об античеловеческой сущности всего советского проекта. После публикации «Одного дня Ивана Денисовича» должна была бы последовать действительно полномасштабная либерализация. Но она пришла лишь четверть века спустя, а 1963 год стал, напротив, годом идеологической реакции. Партийные бонзы почувствовали, как зашаталась устои их режима, и ополчились на свободомыслие, манипулируя своим все более капризным и сумасбродным вождем. Хрущев, озлобленный неудачами экономических реформ и унижительным провалом кубинской авантюры, охотно выместил злобу на художественной интеллигенции. 29 ноября 1962 года он неприлично ругался и топал ногами на выставке нового искусства в Манеже. 17 декабря орал на молодых писателей и художников на специально устроенной встрече, хотя, с характерной для него непоследовательностью, тут же поднимал тост за Солженицына и в

перерыве демократически уступал писателям очередь к писсуару¹⁶⁵.

В марте 1963 года была устроена вторая проработочная встреча партийной верхушки с интеллигенцией; в апреле уничтожение литературной крамолы продолжилось на заседании правления Союза писателей СССР, а в июне состоялся пленум ЦК КПСС, на котором была окончательно закреплена реставрация сталинской политики в области литературы и искусства. Хрущев выступил на пленуме в своей обычной перипатетической манере, приступы ярости в его речи чередовались с добродушными высказываниями и нерелевантными личными воспоминаниями, но отчетливо идеологическая политика режима была сформулирована в докладе секретаря ЦК по идеологии Л. Ф. Ильичева. Этот доклад предстояло изучать всем ответственным за идеологию в структуре советской власти, чтобы совершать соответствующие почти ритуальные действия. Ильичев говорил о «молодых, политически незрелых, но весьма самонадеянных и безмерно захваленных» литераторах, которые разучились «радоваться героическим свершениям народа»¹⁶⁶. О необходимости обратить особое внимание на коммунистическое воспитание молодежи, поскольку «есть еще среди молодежи лежебоки, нравственные калеки, нытики», которые «под одобрительные кивки из-за океана [пытаются] развенчать принцип идейности и народности искусства, разменять его на птичий жаргон бездельников и недоучек»¹⁶⁷. В начале доклада Ильичев сурово напоминал стране: «В наших условиях не идет речь о выборе: хочу – тружусь, хочу – бездельничаю. Наша жизнь, ее законы не дают права на такой выбор»¹⁶⁸. Действительно, хотя советская конституция провозглашала только расплывчатое *право* на труд, полицейский надзор за тем, чтобы все трудоспособные граждане имели постоянное место работы, был установлен законодательно указом от 4 мая 1961 года о борьбе с «тунеядством».